

Л. И. БАРАНИКОВА

ГОВОРЫ ТЕРРИТОРИЙ ПОЗДНЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ИХ КЛАССИФИКАЦИИ

Даже беглый взгляд на карту показывает обширность территорий, на которых русские говоры появились после завершения (полного или частичного) процесса формирования языка русской народности, а в ряде случаев и процесса формирования национального русского языка. Заселение этих территорий проходило в разное время и разными путями, переселенцы были выходцами из различных районов и в новых местах оказывались далеко не в одинаковых условиях. Все это не могло не вызвать значительных различий в развитии говоров на новых территориях. В то же время складывается и ряд общих закономерностей в образовании и развитии этих говоров.

Прежде всего, это говоры вторичного образования, формирование их разворачивается на базе уже сложившихся диалектных типов. Во-вторых, исходная основа этих говоров, с которой начинается развитие говоров на новом месте, существенно отличается от основы первичных говоров. Это или разнодиалектная основа, или монодиалектная, но изолированная, находящаяся в окружении других говоров. В-третьих, формирование говоров территорий позднего заселения разворачивается в условиях интенсивных междиалектных, а часто и межъязыковых контактов. В-четвертых, экстралингвистические факторы, влияющие на формирование говоров территорий позднего заселения, отличаются большим разнообразием и в ряде случаев оказывают на формирование говоров большее влияние, чем то, которое отмечается на исконных территориях. В-пятых, формирование вторичных говоров происходит в сравнительно поздний период, следовательно, влияние литературного языка оказывается более значительным.

Этот перечень факторов, влияющих на специфику формирования и развития говоров территорий позднего заселения, очевидно, можно продолжить, но думается, что и он достаточно ясно показывает сложность вопроса о статусе вторичных говоров и их классификации.

О каких говорах идет речь, если имеются в виду говоры территорий позднего заселения? Можно ли объединять, скажем, говоры Волго-Камья, Дона, Урала, Сибири, Поволжья, островные русские поселения в Эстонии? Как квалифицировать говоры старожилов и новоселов в Сибири, говоры разных переселенческих волн в Поволжье, Приуралье и т. д.? Не случайно до сих пор нет единой терминологии. Говорят о переселенческих говорах, говорах поздней формации (или позднего образования), вторичных говорах, островных говорах и т. д. Не всегда ясно, когда за этими обозначениями скрываются действительные различия между разными типами говоров, а когда это лишь расхождения в обозначениях.

Изучение говоров территорий позднего заселения началось давно, но вопрос о их типологии остро встал лишь в последнее время, когда накопился достаточный материал для необходимых обобщений и выводов и по-

явилась настоятельная необходимость в таких обобщениях для успеха дальнейших исследований.

Сейчас вряд ли можно построить обоснованную классификацию говоров территорий позднего заселения, так как в науке еще нет их полного описания, сделанного на основе общих единых принципов. Но нам кажется, что можно уже выдвинуть и подвергнуть обсуждению некоторые исходные принципы для такой классификации.

Особенности формирования и развития переселенческих говоров территорий позднего заселения (пока будем условно называть их так) определяют необходимость двойного подхода к их классификации. При выделении типов говоров необходим учет не только их системно-структурных особенностей, но и экстралингвистических факторов.

I. Наиболее существенными экстралингвистическими факторами представляются следующие.

1. Вре́мя переселения носителей говора. Этот фактор важен в двух отношениях: он показывает продолжительность функционирования говора в новых условиях и помогает установить характер говора первопоселенцев, степень его устойчивости, степень обособления от других говоров и т. д. В ряде случаев знание времени переселения помогает выявить некоторые диалектные черты, которые принесли с собой переселенцы². Учитывая это, можно выделить три группы говоров в зависимости от времени их появления на новой территории. Здесь важна не столько абсолютная хронология, сколько относительная — следует иметь в виду характер отношений между языком и диалектами, особенности социально-исторических условий функционирования диалектов, т. е. в конечном счете этапы развития общенародного языка — донациональный или национальный.

К первой группе могут быть отнесены говоры, складывающиеся на территориях, заселявшихся вскоре после образования русского языка в его донациональной форме, т. е. в XVI—XVII вв.³. В отличие от говоров других групп назовем данные говоры ранними переселенческими говорами. Условия развития таких говоров во многих отношениях близки к условиям развития говоров на основных территориях формирования русского языка. Но отличия, конечно, есть: говоры первопоселенцев могли быть изначально неоднородны.

Ко второй группе, за которой удобно закрепить название «переселенческие говоры», могут быть причислены говоры, начало формирования которых относится к XVIII—XIX вв., т. е. ко времени после сложения национального русского языка. Условия развития таких говоров весьма заметно отличаются от условий развития говоров первого типа и особенно говоров территорий исконного (первичного) заселения. Такие говоры редко представлены большими однородными массивами, а если такие массивы и встречаются, то в них обычно бывают вкраплены островки говоров иного типа. Примером могут быть многочисленные говоры Среднего и Нижнего Поволжья. Это порождает интенсивность процесса междиалектного контактирования. В то же время воздействие других говоров ограничивается фактом влияния литературного языка или просторечия.

¹ Попытки теоретико-типологического осмысления материала успешно делаются нашими сибирскими коллегами, но лишь применительно к говорам Сибири; в других местах они также делаются в применении к соответствующим местным говорам. Думается, что целесообразно поставить эти вопросы в более широком плане (см. работы В. В. Палагиной и др. в сб. «Вопросы языкознания и сибирской диалектологии», 1—3, 1971—1973).

² Исследования подобного типа интенсивно ведутся в Томске.

³ См.: Л. И. Б а р а н н и к о в а, О некоторых особенностях развития диалектов территорий позднего заселения, сб. «Язык и общество», 1, Саратов, 1967.

Если в первом случае в процессе взаимовлияния говоров ведущая роль принадлежала говорам, носители которых характеризовались численным или социально-экономическим превосходством (влияние вольных поселенцев на крепостных, жителей крупных сел на мелкие и т. п.), то теперь наряду с продолжающимся действием этого фактора вступает в силу и новый — близость к общенародным формам реализации языковой системы. На первых порах это прежде всего близость к «городской речи», т. е. городскому просторечию, поскольку влияние литературного языка ощущается еще слабо. Отсюда относительно большая устойчивость говоров среднерусского типа даже там, где они не являлись господствующими⁴.

К третьей группе, которую удобно называть поздними переселенческими говорами, следует отнести говоры, формирование которых начинается в конце XIX — начале XX в., т. е. в период уже достаточно интенсивно развернувшегося процесса распада диалектов, утраты ими своих наиболее специфических признаков. Такие говоры известны на разных территориях, но особенно характерны они для Саратовского Заволжья, Южного Приуралья; очевидно, к ним же можно отнести ряд говоров новоселов Сибири. Условия развития таких говоров особенно сложны и противоречивы, их классификация особенно трудна.

Возникает вопрос о том, как квалифицировать случаи формирования новых говоров в наше время. Думается, что применительно к современным случаям такого рода уже не следует говорить о формировании диалектов. В современных условиях идет развитие разного типа переходных явлений, формируются языковые койне, территориальные варианты просторечия, может быть, полудиалекты, но не диалекты в прежнем смысле слова.

2. Характер переселения. При классификации говоров по этому признаку необходимо различать: а) одновременность — разновременность переселения, б) массовость — единичность его.

При изучении переселенческих говоров разного типа часто отмечается, что они связаны с массовыми переселениями больших групп; особенно характерно это для переселенческих говоров второго периода. Так складывались, например, южнорусские говоры Новоузенского р-на Саратовской обл., куда в конце XVIII — самом начале XIX в. переселились большие группы крестьян из южных малоземельных губерний. Массовое переселение обычно порождает однородность диалектной основы. Единичные переселения, к которым мы относим и переселения небольших групп, очень характерны для позднего периода, но возможны и при ранних переселениях.

Массовые переселения, как правило, бывают относительно одновременными; впоследствии к ним присоединяются единичные переселенцы, но на сложение переселенческих говоров это обычно оказывает мало влияния.

Признаки массовости и одновременности обычно бывают связаны и с причинами переселения. Так, насильственные переселения помещичьих крестьян чаще были массовыми, связанными с переводом крепостных на вновь пожалованные «дикопорожные» земли. Такими, например, были переселения крестьян на территории теперешних Пензенской и Саратовской обл.⁵ Такой же характер носили и официальные переселения госу-

⁴ Подобное положение хорошо иллюстрируется судьбой севернорусских по происхождению говоров северной части Сердобского района Пензенской области («Куракинский массив»). См. об этом: Л. И. Баранникова, Севернорусские элементы в говорах северо-западной части Сердобского района Пензенской области, «Уч. зап. Саратов, ун-та», филолог. фак-т, XX, 1948.

⁵ См., например: Ю. А. Кузнецова, К истории колонизации Саратовского уезда, «Труды Нижневолжского научного общества краеведения», 35, ч. 2, Саратов, 1931.

дарственных крестьян. Наоборот, неофициальные самовольные переселения, тем более переселения «беглых» крестьян, как правило, были единичными. Лишь самовольные переселения крестьян-старообрядцев зачастую были массовыми (таковы, например, старообрядческие поселения по реке Большой Ирғиз в Среднем Заволжье).

3. Характер отношений с окружающим населением. Переселение, как правило, происходило не на пустующие, а на уже заселенные земли, с коренным населением которых (или населением, появившимся ранее) у переселенцев складываются различные отношения. Крайними точками, характеризующими эти отношения, могла быть полная (или почти полная) изолированность или, наоборот, тесная связь. Между ними существовала многоступенчатая система более или менее тесной связи. Изолированность наблюдалась в случаях, когда переселенцы в каком-то отношении были существенно противопоставлены окружающему населению (религиозные, экономические, социальные и прочие отношения). Таким могло быть положение переселенцев-старообрядцев в окружении нестарообрядческих сел в степных районах Саратовского Заволжья и, наоборот, положение переселенцев-нестарообрядцев в окружении старообрядческих поселений там же в приирғизской полосе (по рекам Большой и Малый Ирғиз). Естественно, что степень связи с окружающим населением сказывалась на развитии говора.

Отношения с окружающим населением могли быть равноправными или неравноправными. Неравноправность имела различные степени своего проявления. Она наблюдалась значительно чаще и обычно порождала стремление подражать престижным группам населения. (Таковы известные в диалектологии случаи подражания однодворцам, подражание казацкого населения казачьему в говорах по течению реки Урал и т. п.).

Своеобразным вариантом этого являлось отсутствие — наличие интенсивных связей с ближайшим городом или крупными населенными пунктами. Наличие таких связей обычно приводило к влиянию на говор переселенцев городского просторечия. Видимо, следует учитывать и условия, способствовавшие или препятствовавшие влиянию литературного языка, но это не было специфическим для переселенческих говоров и могло выступать квалифицирующим моментом для любых говоров.

Выделенные классифицирующие признаки взаимосвязаны и тесно связаны друг с другом. Все эти признаки получают отражение в лингвистических особенностях переселенческих говоров.

II. Второй комплекс классифицирующих признаков является собственно лингвистическим.

1. Характер диалектной основы проявляется в степени однородности ее в говоре переселенцев. С этой точки зрения, как нам кажется, можно выделить три типа говоров.

Носители говоров с монодиалектной основой были переселенцами из одного или групп пунктов с однотипными или близкими, родственными говорами. Такой однородностью основ характеризуются говоры в селах Бартеневке, Николаевке, Ишковке Саратовской обл. Население этих сел пришло из Курской обл., из ее районов, говоры которых характеризовались цитровскими типом яканья. Очевидно, о монодиалектной основе можно говорить применительно к некоторым сибирским говорам, например, окающим красноярским, омским⁶, к ряду говоров Волго-Камья и др.

К другому типу должны быть отнесены говоры с бидиалектной

⁶ См.: В. В. Палагина, Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора). ДД, Томск, 1973.

или полидиалектной основой. Носители таких говоров переселились из разных мест, были носителями разных типов говоров. В этих случаях наблюдатели иногда обнаруживают в одном пункте еще сохранившиеся два разных говора⁷, но чаще отмечается наличие уже единого говора, в котором еще ощущались различия в исходных основах. В диалектологии широко известны случаи различий в говорах разных частей («концов») сел. Чаще описываются говоры с бидиалектной основой, но, по-видимому, возможны и более сложные по диалектной основе говоры. Естественно, что степень проявления разных исходных основ говора может быть весьма различной, и далеко не всегда бидиалектность основы обнаруживается отчетливо.

Говоры с бидиалектными основами часто наблюдаются в крупных селах Заволжья (например, южнорусский говор с. Толстовки Пугачевского р-на Саратовской обл., в основе которого отчетливо проступает два разных типа южнорусских говора — рязанский, и, по-видимому, тульский), в ряде поселений новоселов в Сибири (например, отдельные села Кемеровской обл.).

От этого типа, очевидно, следует отличать переселенческие говоры, диалектная основа которых не может быть выделена или в силу их большой первоначальной пестроты, или из-за значительных изменений, происшедших в период их бытования на новой территории. Такие говоры могут быть названы говорами со смешанной или затемненной основой. Они встречаются как среди ранних, так и среди поздних переселенческих говоров. Примером первых может быть томский говор в Сибири, в котором, по мнению В. В. Палагиной, уже «в его изначальном состоянии были заложены разнодиалектные черты, принесенные в Сибирь носителями севернорусских, среднерусских (главным образом, московского) и южнорусских говоров»⁸. Примером вторых — многие поздние переселенческие говоры заволжских сел (например, сел Новорешного, Орлова Гая Ершовского р-на Саратовской обл.).

2. Характер соотношения основ взаимодействия говоров. Этот признак выражается прежде всего как однородность — неоднородность диалектной основы говора переселенцев и окружающих говоров, причем степень неоднородности может быть различной — от частных расхождений на уровне говоров до существенных отличий на уровне диалектных групп и наречий. Переселенческий говор может попадать и в иноязычное окружение. Таким образом, по характеру отношений с окружающими языковыми или диалектными единицами можно говорить о трех типах отношений, в которых оказываются переселенческие говоры (имеются в виду все три их типа): а) диалектная однотипность говоров, б) диалектная разнотипность говоров, в) наличие иноязычного окружения.

Эти отношения редко бывают представлены в чистом виде. Лишь в случае ранних переселенческих говоров при массовом переселении часто бывает представлена значительная однородность говоров. Характернее для переселенческих говоров диалектная разнотипность, осложненная иноязычным окружением. В то же время часть соседних говоров может оказаться диалектно однотипной.

Показательна в этом отношении картина приузенских говоров в Саратовском Заволжье (южная часть бывшего Новоузенского уезда Самар-

⁷ См.: А. Н. Гвоздев, Два говора одного села (село Канаевка Городищенского района Пензенской области), сб. «Материалы и исследования по русской диалектологии», 2, М., 1949.

⁸ В. В. Палагина, Реконструкция исходного состояния вторичного говора. АДД, Новосибирск, 1973, стр. 22.

ской губернии). Переселенческие говоры на этой территории появляются в конце XVIII — начале XIX в. В основном это переселенцы из юго-восточных губерний, т. е. носители восточной группы южнорусского наречия. Говоры старых крупных сел — Крепости Узень, Куриловки, Чертаклы (теперешний город Новоузенск) — диалектно однородны, но в их окружении оказались возникшие примерно в то же время поселения со среднерусскими говорами (дер. Мироновка), украинскими (села по р. Еруслану) и татарскими говорами (Алтата и соседние пункты)⁹. По мере продвижения заселения на юг носители южнорусских говоров оказались в непосредственном соседстве с носителями казахского языка. Аналогичное положение отмечается в русских говорах на территории Башкирии и в ряде районов Сибири, где сложность положения усиливается соседством говоров старожилов и новоселов.

3. Характер отношения с материнскими говорами. Этот признак принадлежит к числу важнейших, но и наиболее трудно выявляемых, так как диалектную систему материнских говоров удастся установить далеко не всегда. Даже при монодиалектной основе переселенческого говора не всегда убедительно его восстановление; современное состояние материнских говоров может не отражать их состояния в момент, когда произошло переселение. В принципе переселенческий говор всегда отличается от материнского, так как оказывается в иных условиях, которые не могут не влиять на его развитие. Но степень различия может быть разной. В связи с этим представляется возможным выделять переселенческие первичные и вторичные говоры. К первым мы относим переселенческие говоры, сохранившие в основных чертах свой исходный диалектный тип. Ко вторым — говоры, претерпевшие значительные изменения.

В качестве примера первых можно назвать южнорусские говоры Новоузенского р-на Саратовской обл., сохранившие основные черты восточной группы южнорусских говоров, многие говоры Оренбуржья, также сохранившие восточную южнорусскую основу. По данным Т. А. Хмелевской, к этому типу следует отнести и большинство донских говоров¹⁰. Примером говоров второго типа могут быть многочисленные старожильческие говоры Сибири¹¹, отдельные говоры Дона¹², отдельные южнорусские говоры Заволжья (говоры некоторых прииргизских сел и т. п.).

Первичные переселенческие говоры чаще всего составляют целостный массив, хотя возможно и устойчивое сохранение старой основы отдельными островными говорами. Но наблюдается это обычно в говорах недавних переселенцев, т. е. в поздних переселенческих говорах. Например, в говоре поселка Савушкин в Саратовском Заволжье, население которого пришло в начале XX в. из дер. Сядемки Пензенской обл., сохранился устойчивый комплекс черт материнского говора¹³.

Время переселения имеет большое значение для образования первичных или вторичных переселенческих говоров. Естественно, для образо-

⁹ См.: «Сборник статистических сведений по Самарской губернии», VI, Самара, 1889.

¹⁰ См.: Т. А. Хмелевская, Русские говоры Дона и их место в системе южнорусского наречия. АДД, М., 1970, стр. 29.

¹¹ См., например: В. В. Палагина, Томский говор в его отношении к говорам Европейской части Союза, сб. «Вопросы языкознания и сибирской диалектологии», 3, Томск, 1973. См. также описание других старожильческих говоров в работах сибирских диалектологов.

¹² Т. А. Хмелевская, указ. соч., стр. 28.

¹³ См. описание говора дер. Сядемки в работе: А. Н. Гвоздев, Говор западной части Вадского района Пензенской области, «Уч. зап. Куйбышевск. пед. ин-та», 5, 1942.

вания вторичных говоров требуется более длительный период их бытования на новой территории. Не менее важен и характер отношений носителей переселенческих говоров с исконным населением или более ранними переселенцами. Таким образом, в складывании переселенческих говоров первичного или вторичного типа сказывается роль экстралингвистических факторов в судьбе переселенческих говоров.

Наличие первичных или вторичных переселенческих говоров зависит и от характера диалектной основы. У говора с монодиалектной основой больше шансов остаться на положении первичного говора, чем у говора с бидиалектной или смешанной основой. В последнем случае скорее произойдут изменения, трансформация говора. Важна и степень близости диалектной основы переселенческого говора к литературному языку. Общеизвестно, что среднерусские по основе говоры подвергаются меньшим изменениям, чем говоры других диалектных типов. Показательны в этом отношении среднерусские говоры прииргизских сел в Саратовском Заволжье.

4. Характер развивающегося вторичного говора. Далеко не всегда вторичный говор выступает как говор с четкой диалектной основой. Очень часто он имеет характер переходного, а иногда и смешанного говора. Понятие переходного и смешанного говора выдвинуто в диалектологии давно. О них говорилось в комментариях к первой Диалектологической карте русского языка¹⁴. Затем внимание к выделению таких типов говоров несколько ослабело, возможно, в связи с изучением прежде всего говоров территорий первичного заселения. Понятие смешанного говора стало подвергаться сомнению, а понятие переходного говора чаще всего ассоциировалось с говорами среднерусскими. Думается, что в применении к переселенческим говорам понятие переходных и смешанных говоров остается актуальным.

Под переходными говорами, вслед за Н. Н. Дурново и др., обычно понимают такие говоры, диалектная основа которых проступает отчетливо и при этом наблюдается закономерное изменение диалектной системы в сторону говора иного типа или литературного языка. В таком говоре отчетливо проступает исходная система и ее изменения. Смешанными говорами называют такие, в которых не представляется возможным выделить определенную основу, в которых наблюдается не закономерный переход одних единиц в другие, а смешение отдельных целостных разносистемных вариантов.

Такое понимание должно быть уточнено посредством характеристики типов вариантов, свойственных переходным и смешанным говорам. Вариантность — важное свойство языковых и диалектных систем, типы вариантов весьма разнообразны и могут служить существенным показателем при классификации диалектных систем. Среди различных противопоставленных типов вариантов¹⁵ существенно противопоставление свободных, или необусловленных, и ограниченных, или обусловленных, вариантов. Ограничение, или обусловленность вариантов может определяться позицией, т. е. структурными особенностями, или спецификой употребления, зависимостью от коммуникативной заданности речи, т. е. особенностями функционирования.

Позиционная обусловленность проявляется, например, в зависимости вариантов гласных первого предупредительного слога *о* и не-*о* от характера

¹⁴ См.: «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением Очерка русской диалектологии», сост. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым, «Труды МДК», 5.

¹⁵ См.: Л. И. Баранникова, О вариантных единицах диалектных систем, сб. «Проблемы истории и диалектологии славянских языков», М., 1970.

ударенного гласного в некоторых говорах, утрачивающих оканье; в соотношении произношения с *γ* в интервокальном положении и взрывным *г* в остальных позициях в говорах, где фрикативное *γ* утрачивается или, наоборот, приобретает под влиянием соседних говоров¹⁶, и т. п.

Функциональная обусловленность проявляется в выборе того или иного варианта в зависимости от собеседника (стремление избегать местных диалектных форм в беседе с человеком из города и свободное их употребление в беседе с односельчанами), обстановки, в которой разворачивается общение (предпочтение недиалектных форм во время беседы в правлении колхоза, в сельсовете и т. п.), характера речи (разница в выборе вариантов при официальной и непринужденной бытовой речи) и т. п.¹⁷.

Функциональные варианты могут быть и в говорах переходных и в говорах смешанных, так как они зависят не от собственно лингвистических свойств говора, а от особенностей его функционирования. Позиционные варианты, в которых употребление языковых единиц подчинено определенным закономерностям системно-структурного порядка, возможны лишь в переходных говорах, ибо развитие новых отношений языковых единиц, подчиненных новым позиционным закономерностям и есть показатель начавшегося процесса перехода говора к новому типу.

Свободные варианты являются характерным признаком смешанных говоров. В единичных случаях как факультативные варианты они возможны и в устойчивых, и в переходных говорах (например, единичные случаи аканья в окающих говорах), но для таких говоров они не характерны, случайны и обычно могут быть объяснены теми или иными специфическими для каждого отдельного случая причинами.

Факторы, определяющие развитие в одном случае переходного, в другом — смешанного говора, относятся и к лингвистическим (характер взаимодействующих говоров), и к экстралингвистическим (условия развития говоров), что вновь подчеркивает их связь в развитии языка.

5. В качестве заключительного признака следует назвать диалектную принадлежность говора. Этот классификационный признак наиболее далек от экстралингвистических моментов, но все же не полностью: то, с какой диалектной территории шло переселение, определяется экстралингвистическими причинами.

Встает вопрос, насколько диалектные типы переселенческих говоров соответствуют диалектным типам исконной русской территории. В какой степени при классификации переселенческих говоров следует опираться на типологию говоров исконной территории и возможно ли наличие своих особых диалектных типов, свойственных говорам территорий позднего заселения?

Думается, что в основе выделения диалектных типов переселенческих говоров должны лежать типы, выделенные для исконной территории распространения русского языка. Первичные переселенческие говоры, очевидно, имеют достаточно полное соотношение с этими типами. Вторичные переселенческие говоры не дают столь отчетливого соотношения с диалектными типами исконной территории, но в основных, определяющих чертах такое соотношение сохраняется. Ведь в диалектных типах получили реализацию ведущие черты, общие особенности диалектной системы русского языка, и соответствие с ними вновь складывающихся говоров

¹⁶ См.: А. Б. Пен ь к о в с к и й, О некоторых закономерностях звуковых зам ь е н при взаимодействии диалектов (в связи с вытеснением севернорусского взрывного *г* фрикативным *γ* в южнорусском окружении), сб. «Очерки по фонетике севернорусских говоров», М., 1967.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Л. И. Б а р а н и к о в а, Русские народные говоры в советский период, Саратов, 1967, гл. 1, § 5 и др.

естественно. Однако если всегда возможно установить соответствие с наречием, чаще всего и с диалектной зоной, то далеко не всегда возможно установить такое соответствие с определенной диалектной группой. И это опять-таки закономерно. Группы выделяются на основе комплекса отдельных, далеко не всегда взаимосвязанных черт, находящихся не в отношениях интердепенденции или детерминированности, а в отношениях свободного соответствия: наличие одной черты далеко не всегда детерминировано другими чертами¹⁸. Поэтому правомерно ожидать появления иных комбинаций диалектных черт, иного их комплекса. Следовательно, на территории позднего заселения теоретически можно ожидать сложения новых диалектных групп с особыми комплексами характеризующих их признаков, выступающих здесь в иных комбинациях сравнительно с другими диалектами русского языка.

Действительно, в описаниях некоторых донских, сибирских, уральских говоров отмечается своеобразие в сочетании характерных для них диалектных особенностей. Так, Т. А. Хмелевская в итогах анализа фонетики донских говоров выделяет некоторые говоры, которые «несоотносятся ни с одной из групп первичных говоров южного наречия»¹⁹. В то же время проведенный ею анализ фонетической системы донских говоров не обнаружил явлений, которые не имели бы места в тех или иных говорах территории раннего заселения. Даже наличие особого донского типа диссимиллятивного яканья исследовательница ставит под сомнение, считая его «одной из ступеней распада суджанского диссимиллятивного яканья»²⁰. Свообразным оказывается и выделенный О. Н. Киселевой комплекс морфологических черт для кетских говоров (Томская область)²¹. Аналогичное соотношение их не обнаруживается в основных диалектных группах исконной территории. Подобное положение наблюдается в ряде среднерусских вторичных говоров Саратовского Правобережья.

Материалы показывают, что в процессе развития переселенческих говоров возможно появление черт, внешне аналогичных явлениям, наблюдающимся в исконных говорах, но генетически не совпадающих с ними. Примером может быть предударный вокализм. В процессе его развития в говорах поздней формации порой возникают явления, аналогичные отношениям, существующим в старых говорах. Так, в Поволжье наблюдаются говоры, в которых при разрушении ассимилятивно-диссимиллятивного яканья ассимилятивность утрачивается раньше, чем диссимиллятивность, т. е. произношение гласных типа *a* в первом предударном слоге чаще заменяется вариантом *не-а* в положении перед гласными нижнего подъема, чем перед гласными верхнего подъема. Так, в некоторых новоузенских говорах чаще отмечается *с'им'já*, *м'ин'át*, *т'ир'ál*, *ст'ип'áx* (и даже *в'иснá*, *з'ирнá*), чем *н'ис'ý*, *д'ис'ит'ý*, *с'им'jý*. Появляется как бы вторичная диссимиллятивность, генетически отличная от диссимиллятивности говоров исконной территории формирования русского языка.

Видимо, особое происхождение имеет и широко распространенное в приуральских и сибирских говорах явление соканья и шоканья. Даже если считать это этапом перехода от цоканья к различению аффрикат, то широкое распространение именно такого пути не может не быть поставлено в связь с влиянием на переселенческие говоры языков коренного

¹⁸ См. характеристику отдельных диалектных групп и перечень их признаков в «Русской диалектологии» под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой (М., 1964).

¹⁹ Т. А. Хмелевская, Русские говоры Дона и их место в системе южнорусского наречия, стр. 28.

²⁰ Там же, стр. 20.

²¹ О. Н. Киселева, Морфологическая система русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. АКД, Томск, 1968.

населения. В отдельных же случаях можно предполагать появление соканья и шоканья вне зависимости от утраты цоканья. Такую внешнюю идентичность явлений при их генетическом различии нельзя не учитывать при сопоставлении переселенческих говоров с говорами исконных территорий.

Нельзя забывать и того обстоятельства, что формирование переселенческих говоров происходило в период, когда процесс диалектообразования в основном уже был завершен.

Все сказанное позволяет считать, что формирование диалектов с комплексом черт, отличных от комплекса черт в группах говоров основной территории, на территории позднего заселения возможно, но может происходить, по-видимому, лишь в ранних переселенческих говорах при наличии соответствующих языковых (характер диалектной основы, соотношение ее с окружающими и материнскими говорами) и внеязыковых (время переселения, его характер, особенности бытования переселенцев на новой территории) условий. Поэтому вполне возможно и необходимо сопоставление диалектов территорий позднего заселения с наречиями и диалектными зонами, но часто оно невозможно по отношению к группам говоров. Специфика говоров территорий позднего заселения побуждает обратиться к выяснению соотношений диалектных типов переселенческих говоров с диалектными типами межзональных групп (чаще имеет место сопоставление их с основными группами).

В заключение необходимо подчеркнуть, что при классификации переселенческих говоров учет совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов необходим в значительно большей степени, чем при классификации говоров исконной территории.